

Владимир Салимон

Простые мысли

* * *

Я проснулся с ощущеньем счастья!
Музыка играла,
половицы
так стонали, как от сладострастья
стонут бездуховные девицы.

Солнце поднялось и встало выше
многоярусного зиккурата,
у которого видны на крыше
изваянья, как в аллеях сада.

Кто они, кого ваятель славный
воплотил на радость нам в бетоне,
может быть, правитель богоравный
со своею свитой на фронтоне?

Может быть, художники, поэты,
наши мудрецы с большой дороги,
в плащаницы длинные одеты,
словно полулюди-полубоги?

Сколько ни смотри, а толку мало,
видишь только чёрные фигуры,
несмотря на то, что солнце встало,
только основание скульптуры.

Мне смешно становится от мысли,
что внутри бетонного колосса
вижу только чресла, что нависли
надо мной, как некая угроза,

Салимон Владимир Иванович — поэт, автор 22 книг стихов. Родился в 1952 году в Москве. Главный редактор журнала «Золотой век» (1991—2001). Лауреат премий журналов «Октябрь», «Арион», Европейской поэтической премии Римской академии (1995). Лауреат Новой Пушкинской премии (2012), премии «Венец» (2017) и др. Живет в Москве. Постоянный автор «Дружбы народов».

что грозит мне великан бетонный
огромной великанской штукой
десятифутовой, многотонной,
аркебузою или базукой,

что вот-вот огнём пальнуть готова,
изрыгнуть на нас свинец и пламень,
будто в поле глупая корова
из желудка съеденный ей камень.

* * *

*Зачем спешат всё время ходики,
когда на гвоздике висят?
Куда, скажите, самолётики
ночами тёмными летят?*

Вопросы эти, как бы детские,
совсем просты на первый взгляд,
но, словно граждане советские,
скрывают что-то и таят.

И нужно очень острым зрением
по меньшей мере обладать
и фантастическим терпением,
чтоб все загадки разгадать.

Потребуется масса времени,
а не три с четвертью часа,
что мне даны на размышление.
Уже рассвет катит в глаза.

Проводники стучат стаканами,
крича: *Москва! Москва! Москва!* —
Спросонья люди ходят пьяными.
Чушь порют. Путают слова.

* * *

Сгорел и в пепел превратился
стоящий в вазочке цветок.
А дым отечества струился
и тонкой струйкой в небо тёк.

Сгоревши в пламени незримом,
всё превращалось в прах и тлен,
и поколенье стало дымом,
что так желало перемен,

чей смысл с годами стал невнятен
для здравомыслящих людей,
стал многим людям неприятен
среди музыки наших дней,

как стук щитов и копий скрежет
среди звуков мира и труда,
что нас, пока надежда брезжит,
влекут и манят в никуда.

* * *

Происходит смена поколений.
Музе нужен новый мальчик-паж.
Миру — новый Пушкин, новый гений,
так как вышел нынешний в тираж.

Сбились с ног от мала до велика.
Даже в литераторский буфет
заглянули, как это не дико.
Пиво есть, а Пушкина там нет.

Был один красивый и кудрявый,
но уплыл в далёкие края
со своей очередной шалавой! —
говорит буфетчица-змея.

А сама вино мешает с пивом,
сдачи не даёт со ста рублей
при моём согласьи молчаливом
и хорошем отношении к ней.

Шум и гам, как в стане половецком,
кто-то так сидит, а кто-то пьёт,
о счастливом времени советском
слёзы крокодиловые льёт.

Смотрят косо, закосевши малость,
слуги ханские на чужака,
разве шевельнётся в звере жалость,
когда он почувствовал врага.

Больше ничего не остаётся,
как бежать куда глаза глядят.
Знаю, Бог не выдаст,
не споткнётся
подо мною конь до Царских врат.

Ветер в поле будет мне помощник,
звёзды в небе путь укажут мне.
Каждый лист — репей и подорожник —
засияет ярко при луне.

* * *

Делаем вид, что живём на природе,
слушаем птиц, удим рыбу в пруду,
и говорим, говорим о свободе,
мы несвободу имея ввиду.

Это не значит, что всё невозможно
пошло, фальшиво,
но так или нет,
в мире, построенном нами, так сложно
жить для себя и не людям во вред.

Трудно от мира вещей не зависеть,
но не витать в сферах чистых идей,
трудно, где следует, голос возвысить,
но не ругать стариков и детей.

Как удержаться на сломе, на грани,
как равновесие не потерять,
не докатиться до фиги в кармане,
но и пособником власти не стать?

К другу единственному обратиться
я не рискую с вопросом таким,
что, если станет он злобно браниться
сволочью,
интеллигентом гнилым?

* * *

Не то чтобы любить заставили
нас родину ещё сильнее,
а лишь от выбора избавили —
щегол, синица, воробей.

На остановке непредвиденной,
хотя и сделалось темно,
пока томился в поле литерный,
в купе открыли мы окно.

Щегол свистал, синица тенькала.
По насыпи вдоль полотна
вблизи с вагонными ступеньками
в шинельках серого сукна

воробышки бритоголовые,
как новобранцы, предались
игре.
Весёлые. Бедовые.
Повздорили. Передрались.

* * *

Соблазн велик поставить запятую
в «казнить нельзя помиловать» отнюдь
не там, где нужно,
дабы Русь святую
безжалостно в бараний рог согнуть.

Борясь с соблазном, государь психует,
то морщит лоб, то страшно пучит глаз,
то на свою прислугу негодует,
сил не имея подписать указ.

Всю ночь огонь горит в кремлёвской башне,
всю ночь с холмов московских льётся свет
на тёмные леса, луга и пашни,
которым несть числа и краю нет.

Я не могу уснуть при этом свете,
ворочаюсь, кручусь, как в забытии.
Не спят соседи.
Где-то плачут дети.
Льют до рассвета слёзы в две струи.

Наутро, как в канун стрелецкой казни,
клубятся тучи, кружит вороньё,
и евнухи царёвы без боязни
за правду тщатся выдавать враньё.

Народ молчит.
Безмолвствует столица.
Что все зависим мы от *запятой*,
как вышло так, как так могло случиться,
понять, взять в толк я не могу порой.

* * *

Сколь неразлучны сёстры эти,
а вместе их не увидеть.
И взрослые (не только дети)
загадки любят задавать.

Попутчик задал мне загадку
и смотрит молча за окно,
как будто сквозь лесопосадку
он видит нечто.
Ночь. Темно.

И вдруг я вижу,
между ёлок
у края поля вдоль стерни
мелькает крошечный посёлок.
Домишки дачные. Огни.

Как оказалось, приглядеться
достаточно, чтобы понять —
отсюда никуда не деться,
нам здесь и жить, и умирать,

что неразлучны жизнь со смертью:
беспечно жизнь твоя течёт,
а смерть уже стоит под дверью,
покорно очереди ждёт.